

**ПРИЧАСТИЕ VS. ПРЕДИКАТИВНАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА
(СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ)**

Так как всякий художественный текст представляет собой систему определенным образом соотносящихся между собой фактов, то <...> всякое изменение какого-либо отдельного факта ощущается обычно чрезвычайно резко и помогает оценить и определить роль элемента, подвергшегося изменению.

А.М. Пешковский

Изучение взаимодействия значения, формы и функции языковых единиц и — шире — соотношения грамматики и речевой деятельности во всем многообразии речевых практик является приоритетным направлением в развитии грамматической мысли. Язык описывается как функционирующая система, все категории и элементы которой «предназначены служить тексту» [4]. Описание языковых единиц в речевой динамике, в един-

стве с их функциональным потенциалом позволяет «извлечь максимум лингвистической информации из фактов человеческой речи и на этой основе найти явлениям их место в системе» [4].

Явления, называемые в лингвистике переходными (пограничными, двойственными, амбивалентными), всегда представляли острый интерес для исследователей. Причастия как единицы с гибридной категориальной семантикой давно стали проблемной зоной грамматики. Однако несмотря на то, что исследование причастий имеет давнюю лингвистическую историю и продолжается в настоящее время [1; 3; 5; 7; 9], функционирование причастных форм в различных индивидуально-авторских художественных системах остается малоизученным аспектом.

Текстовая специализация причастий, их широкие функциональные возможности и определенного рода преимущество перед предикативными формами глаголов – всё это в полной мере раскрывается в благоприятной среде функционирования, каковой является русскоязычная проза В. Набокова (рассказы и романы писателя, мемуарная книга «Другие берега»). Различные по времени и обстоятельствам создания, по своим жанрово-стилистическим, идейно-содержательным, композиционным и другим характеристикам, русскоязычные художественные тексты писателя объединяет чрезвычайная насыщенность причастными формами (причем В. Набоков «реанимирует» даже малоупотребительные причастия). Показательно, что и в англоязычных романах писателя обнаруживается то же обилие и нанизывание причастий, которое столь характерно для его «русских» романов, включая первый роман «Машенька».

В русскоязычной прозе В. Набокова причастия предельно функциональны и выразительны. Перечень выполняемых полными причастиями художественных (эстетических) функций довольно широк: формально-структурная; изобразительная; смыслоформирующая; семантическая (тропическая); фоностилистика (фоническая); эмоционально-оценочная, причем определенные нами функции находятся в отношениях не взаимного исключения, а взаимодополнения.

Значимость причастия как необходимого конструирующего (структурного и смыслового) компонента предложения убедительно раскрывает прием грамматического преобразования контекста в направлении «причастная форма → предикативная форма глагола». Этот прием, позволяющий эксплицировать контекстуальную семантику причастий, выступает своего рода инструментом стилистического эксперимента, доказывающего (или опровергающего) исключительную роль причастия. Неоспоримое преимущество данного синтаксического развертывания, основанного на понятии функциональной синонимии и предполагающего «замену определенных словосочетаний синонимичными им придаточными предложениями» [2, с. 82], состоит в том, что он позволяет соотнести различные средства выражения действия и оценить их функциональную значимость. Как известно, ценность грамматических (как и лексических) синонимов определяется их различиями, что проявляется в неспособности констру-

ций к взаимозамене в одних и тех же контекстуальных условиях. Ввиду вышесказанного результаты предпринятого нами стилистического эксперимента весьма показательны. Так, из 7939 причастий-употреблений, зафиксированных нами в русскоязычных текстах В. Набокова (в романах «Машенька», «Защита Лужина», «Подвиг», «Дар», в автопереводе на русский язык англоязычного романа «Lolita», в мемуарах «Другие берега» и в «русских» интервью), менее половины (3535, или 44,53%) можно свободно, т.е. без смещения смысловых и/или стилистических акцентов исходных высказываний, заменить предикативными формами глаголов. Большая же часть (4404, или 55,47%) – это причастия-словоупотребления, не допускающие по тем или иным причинам соответствующей замены (причастия с нулевым трансформационным потенциалом).

Таблица 1

	Количество трансформируемых (выделены в таблице жирным шрифтом) и нетрансформируемых причастий-употреблений							
	ДПНВ		ДППВ		СПНВ		СППВ	
роман «Машенька»	107 (100%)		152 (100%)		3 (100%)		199 (100%)	
	33 (30,8%)	74	84 (55,3%)	68	1 (33,3%)	2	42 (21,1%)	157
роман «Защита Лужина»	214 (100%)		308 (100%)		35 (100%)		418 (100%)	
	72 (33,6%)	142	227 (73,7%)	81	18 (51,4%)	17	144 (34,4%)	274
роман «Подвиг»	212 (100%)		197 (100%)		17 (100%)		328 (100%)	
	84 (39,6%)	128	115 (58,4%)	82	8 (47%)	9	91 (27,7%)	237
роман «Дар»	549 (100%)		769 (100%)		91 (100%)		802 (100%)	
	231 (42%)	318	541 (70,4%)	228	48 (51,7%)	43	319 (39,8%)	483
роман «Лолита» (автоперевод)	585 (100%)		564 (100%)		110 (100%)		958 (100%)	
	265 (45,3%)	320	350 (62%)	214	48 (43,6%)	62	196 (20,5%)	762
мемуары «Другие берега»	362 (100%)		364 (100%)		43 (100%)		526 (100%)	
	155 (42,8%)	207	234 (64,3%)	130	20 (46,5%)	23	189 (35,9%)	337
интервью	9 (100%)		7 (100%)		–		10 (100%)	
	7 (77,8%)	2	6 (85,7%)	1	–	–	7 (70%)	3
Всего	847	1191	1557	804	143	156	988	2253
	7939							

Внутри группы нетрансформируемых причастных форм выделяются две подгруппы. Первую подгруппу составляют причастия, которые сохраняют глагольные признаки, но, взаимодействуя с компонентами окружающего контекста, не могут замещаться предикативными формами глаголов. Во вторую подгруппу включаются причастия, которые не трансформируются в силу реализации ими не глагольных лексических значений, а *адъективных* или – реже – *стативных* (в крайне редких случаях причастие в

адъективном лексическом значении формирует дополнительный полупредикативный узел и может заменяться предикативной формой глагола).

Способность причастий употребляться как в *глагольных*, так и в *стативных* и *адъективных* значениях [8, с. 9–11] позволяет писателю реализовать целый спектр художественных (эстетических) и коммуникативных задач, варьировать способы языкового оформления заданных смыслов, сближать и противопоставлять лексические значения причастий в пределах одного контекста, тем самым побуждая читателя к осмыслению семантики и грамматики чрезвычайно емкого, гибкого и выразительного языкового средства – причастия. Количественные показатели употребления причастий в адъективных и стативных значениях формируют варьируемый в зависимости от текстов диапазон от 0,97% до 15% (адъективные значения) и от 0,3% до 10% (стативные значения).

Таблица 2

	Количество употреблений причастий в адъективных и стативных значениях (АЗ и СЗ)			
	<i>ДПНВ</i>	<i>ДППВ</i>	<i>СПНВ</i>	<i>СППВ</i>
роман «Машенька»	107 (100%)	152 (100%)	3 (100%)	199 (100%)
	23 АЗ (21,5%)	2 АЗ (1,3%)	–	30 АЗ (15%) 12 СЗ (6%)
роман «Защита Лужина»	214 (100%)	308 (100%)	35 (100%)	418 (100%)
	29 АЗ (13,6%)	3 АЗ (0,97%)	5 АЗ (14,3%)	30 АЗ (7,2%) 13 СЗ (3,1%)
роман «Подвиг»	212 (100%)	197 (100%)	17 (100%)	328 (100%)
	18 АЗ (8,5%)	3 АЗ (1,5%)	–	6 АЗ (1,8%) 1 СЗ (0,3%)
роман «Дар»	549 (100%)	769 (100%)	91 (100%)	802 (100%)
	30 АЗ (5,5%)	11 АЗ (1,4%)	–	84 АЗ (10,5%) 39 СЗ (4,9%)
роман «Лолита» (автоперевод)	585 (100%)	564 (100%)	110 (100%)	958 (100%)
	27 АЗ (4,6%)	15 АЗ (2,6%)	15 АЗ (13,6%)	31 АЗ (3,2%) 20 СЗ (2%)
мемуары «Другие берега»	362 (100%)	364 (100%)	43 (100%)	526 (100%)
	15 АЗ (4,1%)	10 АЗ (2,8%)	13 АЗ (30%)	47 АЗ (8,9%) 15 СЗ (2,8%)
интервью	9 (100%)	7 (100%)	–	10 (100%)
	1 АЗ (12,5%)	–	–	1 СЗ (10%)
<i>Всего</i>	2038	2361	299	3241
	7939			

Возможность / невозможность преобразования контекста в направлении «причастие → предикативная форма глагола» является не только одной из существенных характеристик самих причастий, но и одним из качественных показателей индивидуального набоковского стиля как «феномена формы», грамматическим конституентом которого является причастие.

Предпринятый стилистический эксперимент позволяет уточнить положение о том, что «предложение с причастным оборотом **всегда** (выделено нами – С.Н.) может быть заменено сложным определительным предложением» [6, с. 131], а также существенно дополнить перечень предпочтительных условий «употребления причастного оборота вместо определительного придаточного предложения» [6, с. 133]. Причастие как компонент структуры высказывания (в составе причастного оборота или в одиночной препозиции) не обладает абсолютной свободой замещения предикативной глагольной формой, и наличие причастия (равно как и его позиция) всегда функционально обусловлено.

Результаты исследования углубляют, казалось бы, прозрачный вопрос о грамматической синонимии (причастий и финитных глагольных форм), рассматриваемый в контексте описания грамматики русского языка в целях преподавания иностранцам. Многие грамматисты и едва ли не все авторы учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному функции причастий (полупредикативную функцию полных причастий и предикативную – кратких причастий) характеризуют через установление для них аналогии функций спрягаемых форм глагола. Следующим шагом в проведении параллели между причастиями и предикативными глагольными формами нам представляется описание (в первую очередь, лингводидактическое) функционально-семантических различий, объективно существующих между ними и определяющих ценность тех и других в языке, востребованность для решения коммуникативных задач говорящего / пишущего. Лингвистическая сущность причастия, как любой языковой единицы, проявляется не только в сходстве с другими единицами, но и в противопоставлении им.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяльсова, А. П. Типы таксисных отношений в современном русском языке (на материале причастных конструкций): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10 02 01-10; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2008.
2. Грушечная, И.Л. Коммуникативная значимость сложнопричастных слов как универбированных образований // Семантические аспекты синтаксиса: сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Д.Г. Богусевич, А.М. Шахнарович. — М., 1989. — С. 81–85.
3. Замятина, И.В. Грамматика русского причастия: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10 02 01; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2010.
4. Золотова, Г.А. Грамматика как наука о человеке // Грамматика как наука о человеке [Электронный ресурс]. — 2001. — Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/zolotova-01.htm>. — Дата доступа: 26.02.2015.
5. Коломацкий, Д. Рефлексивные употребления русских страдательных причастий // Русская филология: сб. науч. работ молодых филологов. – Вып. 18. – Тарту, 2007. – С. 214–221.
6. Одинцова, И.В. Причастие и причастный оборот // Книга о грамматике. Русский язык как иностранный; под ред. А.В. Величко. – 3-е изд. – М., 2009. – С. 126–140.
7. Русакова, М.В., Сай, С.С. Конкуренция действительных причастий прошедшего и настоящего времени / Корпусные исследования по русской грамматике; К.Л. Киселева [и др.], ред. С. Г. Татевосов. – М., 2009. – С. 245–282.

8. Сазонова, И.К. Русский глагол и его причастные формы: толково-грамматический словарь. — М., 1989..

9. Холодилова, М.А. Конкуренция основных стратегий релятивизации подлежащего // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. — Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / ред. тома С.С. Сай, М.А. Овсянникова, С.А. Оскольская. — СПб., 2014. — С. 478–509.